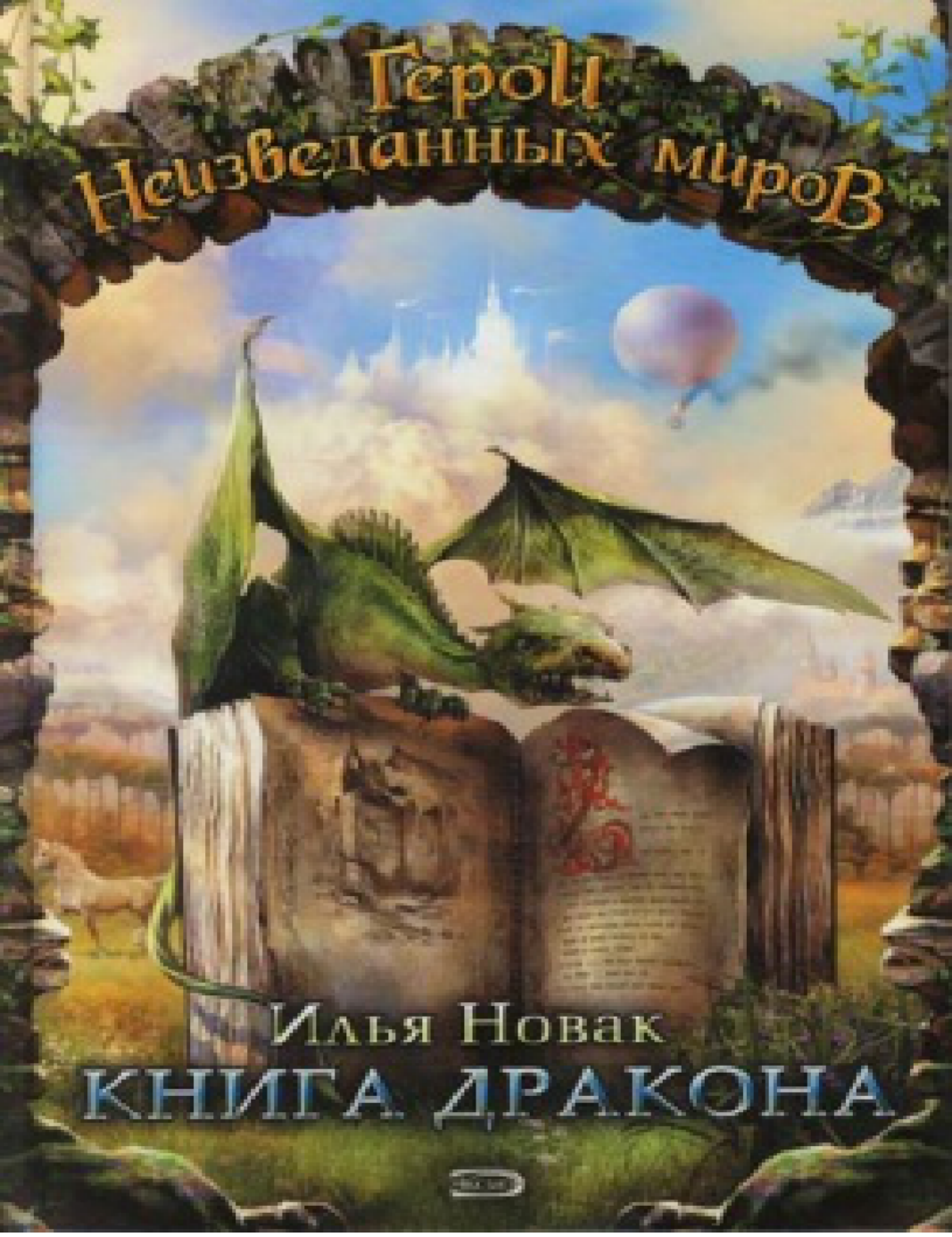
Герои Неизведанных миров



Илья Новак

КНИГА ДРАКОНА

SHOUT
SHARE
IT

- Илья Новак

Илья Новак
Алмазный всплеск

Когда она вбежала в комнату, я даже не успел вскочить с кровати. Лежал прямо в сапогах, подложив руки под голову, – отдыхал после плотного обеда. Поначалу и не сообразил, кто это, так быстро все произошло.

Она распахнула дверь, споткнулась о коврик, упала, вскочила…

Маленькая и рыжая, в цветастом платье. Именно волосы в первое мгновение сбили меня с толку, никогда раньше не видел рыжих эльфиек, обычно они смуглые, чернявые.

Бросив на меня быстрый взгляд, рыжая захлопнула дверь и вдруг плюхнулась на четвереньки. Я уже сидел, опустив ноги на пол. Между подушкой и стеной у меня лежал самострел – не из опасения, что кто-то ворвется, а просто я перед этим как раз его рассматривал. Хлопая глазами, я схватил оружие.

Молодая эльфийка на четвереньках пересекла комнату и нырнула под кровать. Когда она исчезла под свешивающимся до пола краем одеяла, дверь вновь распахнулась.

Все это происходило на верхнем этаже гостиницы «Одноглазый дракон», на окраине города Кадиллицы. «Одноглазый дракон» – большое здание, внизу питейные залы, кухни, прачечные и бани, а выше – комнаты для постояльцев. Здесь можно жить много месяцев, не выходя на улицу, были бы деньги.

В комнату ввалились два пустынных эльфа. Я определил, что это именно пустынники, по круглым глазам с желтыми зрачками.

Оба были в каких-то обносках, у одного на голове красовалась грязная косынка, а у второго на глаза свисал чуб. В руках – короткие ножи.

– Где она? – прошипел тот, что в косынке.

– Кто? – спросил я.

– Мы видели, она сюда забежала!

– Точно видели? А может, в другую дверь все-таки?

Косынка шумно задышал и шагнул ко мне, поднимая кинжал, но Чуб ухватил его за плечо и потянул назад. Я сидел на краю кровати, в одних штанах (рубаха и куртка валялись рядом на полу), с самострелом на коленях. Взведенным.

Гости замерли. В самостреле только одна стрела, и кто знает, кому она достанется? К тому же эльфы невысокие, тощие, даже, пожалуй, изможденные, а я парень будь здоров. С виду и не скажешь, что сын барона, скорее – портовый грузчик, боцман с корабля или какой-нибудь контрабандист. Последнее – правда, я

и есть контрабандист. А еще – наемник и взломщик.

– Мы ищем одну девку, – произнес Чуб, решив, видимо, избежать драки. – Зовут Эви, рыжая такая, вертлявая. Видел ее?

– Не-а, – сказал я.

– Она поднялась сюда, мы с лестницы слыхали, как хлопнула дверь. Соседние заперты, значит, она у тебя.

– Чего с ним говорить, она под кроватью! – рявкнул Косынка и шагнул было вперед, но попятился, когда я поднял самострел.

– Если соседние двери заперты, это еще не значит, что она здесь. Я дремал и сквозь сон слышал, как что-то стукнуло в коридоре. Эта ваша Эви в другую комнату заскочила и дверь за собой заперла. Через окно вылезла и как раз сейчас, наверное, по стене пытается спуститься. А вы время теряете…

Чуб сделал движение к двери, но Косынка прорычал:

– Врешь, врешь! Под кроватью она. Если нет – дай я погляжу, и мы свалим.

Я пожал плечами.

– Что ж, гляди. Но ты меня оскорбляешь своим недоверием. Говоришь, вру я? Значит, давай так. Ты заглядываешь под кровать. Если ваша подружка там – забираете ее. Но ежели нет, я в тебя стреляю. Без обид, да? Просто стреляю, не пытаясь убить, а так, куда попаду. Может, в брюхо, может, в колено, как придется. Чтобы возместить моральный ущерб, который ты мне нанес, не веря моим словам.

Вряд ли эти бродяги знали смысл судебного выражения «возмещение морального ущерба», но меня они поняли.

– Идем… – сказал Чуб Косынке. – Она, может, вправду где-то неподалеку.

Он шагнул в коридор, потянув за собой дружка. Тот попятился, злобно глядя на меня, и захлопнул дверь.

Я сидел неподвижно, прислушиваясь к тихому дыханию, все это время доносившемуся из-под кровати, и к звуку шагов на лестнице. Когда они стихли, встал, запер дверь на ключ, повернулся к кровати и негромко сказал:

– Ладно, вылезай.

Взметнулся край одеяла, и рыжая взлетела, как цветастый вихрь, провела ладонями по бедрам, оправляя юбку, оглянулась и бросилась к двери. Я решил было, что эльфийка собирается отпереть ее и выйти, – а ведь Чуб с Косынкой могли схитрить и тихо вернуться сюда, – но нет, рыжая замерла, прислушиваясь.

Я натянул рубаху с курткой. Посмотрел на самострел, решил пока его не разряжать, прицепил к нему ремень и перекинул через плечо.

– Ушли, – выдохнула эльфийка и шагнула ко мне, глядя в

лицо. Наконец я смог разглядеть ее получше. Ростом куда ниже меня, как и большинство эльфов – худая, но, в отличие от них, не смуглая, а белокожая. Кудряшки рыжих волос торчали во все стороны. Лицо треугольной формы, нос маленький, а глаза большие.

– О, так я тебя знаю! – объявила она.

Я прищурился. Конечно, многие из тех городских жителей, что зарабатывают на жизнь незаконным образом, знакомы со мной. Но тут есть один важный момент: я сам всегда знаю тех, кто знает меня. А когда какая-то незнакомая эльфийская вертихвостка, вбежавшая в вашу комнату и спрятавшаяся под кроватью от двух бродяг с ножами, объявляет, что знакома с вами… ну, это настораживает.

– Ты – Джанки Дэви, – продолжала между тем эльфийка Эви. Она не говорила, а будто пела – голос был очень чистый, журчал, как ручей в ясный солнечный день. – Тебя еще называют Джа. Сейчас ты живешь в… – тут она замолчала.

Помимо самострела у меня еще был длинный узкий кинжал. Вообще-то я не люблю оружия и всякие самострелы-мечи-пращи не имею привычки с собой таскать. Но так получилось, что как раз вчера я закончил одно дело для Мармышки Оружейника. Мармышка – тролль, живет в порту и занимается тем, что перепродает контрабандные клинки. Ему доставили партию оружия, но они с поставщиком не смогли сойтись в цене. Мармышка попросил меня выяснить, сколько стоят кое-какие предметы из партии, и через Патину я для него это разузнал. А он расплатился со мной самострелом и кинжалом.

Так вот, рыжая замолчала потому, что кончик моего кинжала коснулся ее кожи. На эльфийке было свободное легкое платье, напоминающее цветущий луг – мешанина пятен красного, зеленого, желтого и синего цветов. Красивое платье, да еще и с глубоким вырезом. На изящной шее висел кожаный шнурок с крошечным холщовым мешочком. Теперь кончик кинжала, рукоять которого я сжимал вытянутой рукой, коснулся нежной кожи чуть выше амулета.

Эви опустила голову, посмотрела на кинжал, перевела взгляд на меня и лизнула верхнюю губу. Рот она при этом приоткрыла, показав мелкие белые зубы. Грудь под платьем медленно вздымалась и опускалась. Красивая эльфийка, хоть и малолетка. Впечатление не портили даже остроконечные уши, кончики которых торчали из-под рыжих прядей.

– Ты чего? – спросила она.

– Теперь отвечай по порядку. Как тебя звать?

– Ты же слышал. Эви.

– Что еще ты обо мне знаешь?

– Я знаю только то, что ты взломщик из Патины, и все.

– Неужели? А почему ты заскочила именно в мою комнату?

– Да случайно же! Могла ткнуться в любую дверь, а попала сюда.

– Случайно? Ладно. Почему убегала от пустынников?

– Я участвовала в гонках на игровой Арене и обыграла их. И они решили, что такую молодую, беззащитную девушку, как я, легко можно лишить выигрыша.

– Ты играешь на Арене?

Тут она подняла правую руку и медленно провела указательным пальцем по коже от подбородка до моего кинжала.

– Слушай, Джанки, убери это, а? Пожалуйста.

Я опустил оружие, молча глядя на ее запястье, точнее – на красное родимое пятно на этом запястье. Почти такое же пятно, как и у меня.

– Так ты меченая, Эви?

– Ага.

– Все равно, то, что ты сказала, не объясняет, откуда ты меня знаешь.

– Потому что я еще не все сказала. Я… я сестра Банги.

И вот тут-то я наконец удивился по-настоящему.

В Патину можно проникнуть разными путями. Некоторые от рождения наделены особой меткой, красным родимым пятном. Чаще всего оно расположено на правом запястье, хотя иногда – на голове. Метка позволяет усилием воли погрузиться в то окутывающее наш мир магическое псевдопространство, которое мы называем Патиной. Другой способ – шары из синего морского хрусталя. Стоят они дорого, заполучить их могут немногие, да и связь с Патиной, которую они создают, не такая надежная.

Банга – магический взломщик, или, другими словами, пират Патины. Я тоже взломщик, хотя далеко не самый лучший, и выполняю работу в Патине лишь от случая к случаю. Основные мои заработки в реальном мире, в реале. А Банга не простой пират, он самый лучший, самый знаменитый – и самый таинственный. Все о нем слышали, но мало кто видел его или имел общие дела. Я – имел. Один раз. Как-то Банге срочно понадобился пират, постоянно живущий в Кадиллицах и знакомый с местной воровской общиной. Банге тогда нужно было выйти на кое-каких людей. Он связался со мной через Патину, я организовал для него встречу, получил обещанную плату и отвалил в сторону, не вмешиваясь в дальнейшие события. На этом наше знакомство закончилось.

– Не знал, что у него есть сестра, – заметил я.

– Иногда я помогала ему. Помнишь, когда он хотел связаться с Ван Берг Дереном и его ребятами, а ты ему пособил? Я немного участвовала в том деле, потому-то и знаю о тебе. У меня большие проблемы, Джанки. Ты мне поможешь?

– Нет, – ответил я.

Она заморгала

– Почему?

– Ты сестра Банги. И ты с меткой. У вас налажена связь через Патину. Наверняка есть какой-то пароль, сигнал об опасности, который ты можешь послать ему, если тебе что-то угрожает. Я помог тебе с пустынниками – и хватит. Свяжись с братом, он поможет в остальном и…

– Банга умер.

– Что? – растерянно переспросил я.

– Его убили аскеты. Для одного заказчика Банга похитил у них кое-что секретное. Аскеты наняли трех горных шаманов, самых лучших, и те вышли на Бангу. Добрались до него, когда он был в пустыне Хич. Это ведь неподалеку отсюда. Там, в пустыне, у нас было тайное место, где можно отсидеться в случае опасности.

Теперь ее глаза были полны слез. Я перевел взгляд на дверь за спиной Эви и переступил с ноги на ногу. Рыжая продолжала:

– Шаманы убили его и забрали все сбережения, которые мы держали в пустыне, в тайнике. Мне некуда податься, и у меня ничего не осталось. Потому-то я и решилась участвовать в гонках на игровой Арене. Я…

Тут дверь содрогнулась от удара, повисла на одной петле и опрокинулась, после чего в комнату ввалились Чуб с Косынкой.

Перед этим я услышал в коридоре под дверью тихий шум и потому теперь был готов. Сорвав с плеча самострел, я обхватил эльфийку за плечи, дернул на себя, при этом отклоняясь назад. Эви в результате оказалась прижатой к моей груди, а я, продолжая одной рукой удерживать ее, вытянул вторую, с оружием, над ее плечом и выстрелил в лицо Чуба.

Отдача повалила нас на пол. Косынка швырнул нож, тот пролетел выше и вонзился в стену где-то позади. Лежа спиной на полу, я толкнул Эви, она покатилась в сторону. И увидел над собой смуглое лицо эльфа. Оружие было разряжено, кинжал я достать не успел, а потому просто ткнул противника самострелом в нос. Раздался хруст, Косынка вскрикнул и упал на колени, обеими руками сжимая перед собой второй нож. Выпустив самострел, я попытался ухватить его за шею, но эльф отпрянул, занося оружие для удара… и молча повалился на бок.

Я сел, тяжело дыша. Над поверженным пустынником стояла Эви. Из шеи Косынки сбоку торчала деревянная рукоять его же

ножа, того, что он бросил в нас раньше. Эльфийка вдруг присела на корточки и прижалась ко мне.

– Не реви, – пробормотал я и попытался встать, но она не отпускала. – Мы живы, а они нет.

– Я раньше никогда никого не убивала! Даже играя в Патине…

Я неловко обнял ее, и тогда она подняла голову, снизу вверх глядя на меня. По щекам струились слезы. Плачущий эльф – странное зрелище, потому что слезы у них текут из внешних уголков глаз.

– Помоги мне, Джанки, – прохлюпала Эви, обеими руками обнимая меня за шею. – Помоги, а иначе я пропала.

У каждого свое оружие. Тупоголовые громилы-эпплейцы предпочитают короткие мечи, гоблины-грузчики в портовых драках орудуют утыканными гвоздями дубинками, гномы используют пращи и метательные топорики. Но все это мужское оружие, а помимо него есть еще другое – женское, и как раз им я был сражен сейчас.

Когда юная эльфийка в легком платье с большим вырезом рыдает у тебя на груди, смотрит в твои глаза и просит помочь… это куда опаснее ржавого наконечника пики, протыкающей твое брюхо, или запущенного из пращи камня, разбивающего твой лоб. Хороший гоблин-лекарь сможет заштопать живот и напичкает лекарствами, которые спасут от заражения крови, рана на лбу зарастет, оставив лишь шрам, но просящая о помощи, плачущая красивая девица… нет, этого ты не переживешь, если тебя поразили таким оружием – ты пропал.

Именно поэтому, раненный в самое сердце незримой стрелой, некоторое время спустя я пробирался лестницами и коридорами «Одноглазого дракона» вниз, к подвалам здания, волоча Эви за руку.

– Рассказывай быстро, как ты вляпалась в это.

– Когда Бангу убили, я оказалась на мели. Из пустыни пришла сюда и тут случайно в Патине увидела Арену. Решила поучаствовать в гонках. Небольшая сумма, чтобы сделать взнос и арендовать колесницу, у меня была. Знаешь, какой приз в гонках на Арене? Кувшин с серебряными монетами. Это артефакт, то есть если ты получаешь его в Патине, а потом возвращаешься в реал, то видишь, что кувшин так и остался в твоих руках и он вправду полон серебра. Я победила, но мне не дали вернуться в реал. Оказывается, у них там все схвачено. В этих гонках должны были победить пустынники, а когда я им помешала, они стали преследовать меня. Организовали настоящую охоту по всей Арене и…

– А где сейчас Приз?

Остановившись, я посмотрел вниз между перилами. Пока мы шли коридорами и лестничными пролетами, на пути попадались служащие гостиницы и постояльцы, не обращавшие на нас особого внимания. А сейчас я встретился со взглядом узких глаз. Они принадлежали тощему человеку, который стоял двумя пролетами ниже и смотрел на меня. Когда я выглянул, он сделал быстрое движение рукой…

Я отпрянул, спиной отталкивая эльфийку, и стрела пронеслась мимо. Вместо наконечника у нее был гудящий синий шарик. Сверху раздался треск, на ступени посыпались камешки.

– Ходу! – Я поволок Эви обратно. Мы выскочили в узкий коридор, не предназначенный для постояльцев. Переворачивая расставленные вдоль стены метлы и ведра, бегом пересекли его, после чего я распахнул еще одну дверь, затем, свернув влево, вторую, а потом и третью.

В конце концов стало совсем тихо. И никого вокруг – мы попали в отдаленную часть здания.

– Кто там был? – спросила Эви, тяжело дыша.

– Я не уверен. По-моему, аскет. Почему аскет преследует тебя, а?

– Наверное, он с теми пустынниками.

– Наверное. – Я внимательно посмотрел на эльфийку и пожал плечами. – Я хорошо знаю это здание. Сейчас спустимся в тихое место и там разберемся, что происходит.

Чуть позже, преодолев с десяток пролетов и столько же дверей, мы очутились в полутемном закутке, расположенном ниже уровня земли. Минус-первый этаж, так сказать. Отсюда был виден коридор, заканчивающийся просторным помещением, где стояли несколько вооруженных троллей. Они стерегли широкие двери, ведущие в подвалы здания. Иногда мимо проходили официанты с подносами и скрывались в дверях.

– Что там? – спросила Эви.

– Игровые комнаты.

– Там играют на Арене?

– Да, в основном, – я толкнул дверь кладовой и заглянул внутрь. – Давай сюда.

Помещение заполняла рухлядь – разобранные шкафы, лежанки без ножек, сломанные стулья и столы. Слева от двери возвышался покосившийся подсвечник с остатками свечей; у стены на боку стояла большая кровать. Своим огнивом я поджег один из огарков в подсвечнике, прикрыл дверь, задвинул ржавый засов. Пересек помещение, ухватился за кровать и, поднатужившись, перевернул ее на все четыре ножки. Затем сел,

глянул на Эви и похлопал рядом с собой.

– Понимаешь, я только потом поняла, что там все куплено, – она сидела, сжав коленями запястья, ссутулившись, опустив голову. – Если появляется какой-то крутой игрок при деньгах, то обычно он не один. Конечно, бывают и одиночки, но чаще приходит бригада, выставляет своего игрока, оплачивает участие, хорошую скоростную колесницу, так? Дальше эта бригада договаривается с владельцами игрового зала – и те ему подсуживают.

– Гонки на колесницах? – с сомнением произнес я. – Видел я эти гонки несколько раз, хотя сам в них не участвовал. Как же там можно подсуживать?

– Не знаю, но тогда почему пустынники за мной гонятся? Они выставили своего игрока, договорились с хозяевами зала поделить выигрыш. Их эльф должен был прийти первым, но выиграла я. И теперь они…

– Тебе эти деньги сильно нужны?

– Меня убьют, – сказала она. – Аскетские шаманы убили Бангу, а пустынники убьют меня. Ты же знаешь, они мстительные. И безжалостные. Во внутренних районах пустынь, где они обитают, в голодное время пустынники поедают друг друга.

– Сказки, – проворчал я.

– Нет, не сказки, а правда. Мы с Бангой знали много такого, что другие не знают.

– Тогда ты, наверное, слышала и о том, что, по слухам, аскеты владеют долей доходов от Арены? В частности, они хозяева зала гонок.

– Нет, этого не знала. Ну и что? Сейчас речь не о них, а о пустынниках. Они лишились всех своих денег. Пустынники – небогатое племя, это серебро для них очень важно. Для меня единственное спасение – вернуть выигрыш. Тогда я смогу сесть на корабль и уплыть куда-нибудь. На континент Полумесяца, куда угодно.

– Я могу спрятать тебя в городе. Я со многими здесь знаком, знаю места…

– Нет, Джанки. Это не поможет.

– Могу дать тебе денег.

– Разве ты богатый? Ну сколько ты сможешь дать, несколько монет? А мне надо убраться подальше.

– Я небогат, но у меня…

– И потом, я не возьму их. Кто я, по-твоему, а? Я – сестра Банги, а не какая-нибудь…

– Ладно, но как ты сумела спрятать Приз?

– Забросила его в центр соседнего игрового зала при помощи

жгута. Жгут – это…

– Заклинание для быстрого передвижения в Патине.

– Да. Там не меньше сотни серебром, возьмешь себе половину. Ты ведь пират Патины, наемник. Считай, что я просто нанимаю тебя для того, чтобы ты помог мне достать Приз. Обычная работа…

Я перебил:

– Нет, для меня это не обычная работа. Я, как правило, другими делами занимаюсь. Хорошо, давай глянем на месте, что к чему. Но учти, я пока еще ничего не решил.

Эви посмотрела назад, на кровать, потом смущенно покосилась на меня.

– Ложись, – хмуро приказал я.

Она повела плечами и улеглась лицом вверх.

– Подвинься.

Я лег рядом, на самом краю кровати, приложил большой палец левой руки к родимому пятну на запястье правой, закрыл глаза.

Прошла минута. Ровное дыхание Эви, лежащей в той же позе, что и я, раздавалось над ухом.

Под веками появилась точка. А вернее – она и раньше была здесь, но сейчас я наконец осознал, что вижу ее.

Потом возникли другие, множество точек. От первой протянулась спираль холодного огня, будто виноградная лоза, быстро разветвляясь, покрывая все темное пространство передо мной. Раздался шелест, шепот, потрескивание статической магии. Завитки огня паутиной заполнили пространство вокруг. Картина, возникшая перед глазами, была зернистой и словно покрыта пылью. На самом деле это не пыль, а эссенция, магическая взвесь. Эссенция лениво заколыхалась, расступилась – и мы проникли в Патину.

Здесь не бывает реальных вещей, материальных предметов, только их аналоги. Возникшая рядом Эви напоминала себя реальную, только с прямыми волосами. Интересно, это случайность, или рыжей кажется, что кудряшки ей не идут, и, создавая аналог, она намеренно или ненамеренно избавилась от них?

– Заглянем на Арену, посмотрим, что там происходит, – сказал я.

Патина делится на области, которых не так уж и много: Абрикосовый Рассвет, Безоблачность, Колониальное Единство, Жемчужная Голова, Лошадиный Пояс и еще несколько. Это большие магические образования, зоны первого уровня, внутри которых расположены номы, составляющие второй уровень.

Внутри номов находятся зоны третьего уровня, пятна, а те, в свою очередь, состоят из нижних зон – точек.

Сейчас вокруг нас распростерлась область Абрикосового Рассвета, зона первого уровня. Вся она состояла из расплывчатых овалов, игровая Арена была одним из них. Я стал опускаться. Другие овалы исчезли из виду, а Арена разрослась и заняла все поле зрения, открыв внутри себя множество точек-залов. Выбрав зал Гонок, я опустился к нему, и все повторилось: точка стала овалом, тот расширился и превратился в помещение, сквозь потолок которого мы проникли внутрь.

Гул голосов, рев животных…

Зал подстроил нас под себя, изменил внешность наших аналогов, навесив на них свои магические текстуры. Наклонив голову, я увидел, что облачен теперь в блестящий комбинезон и обут в большие черные ботинки.

Я взглянул на Эви. На ней была широкая короткая юбка из кожаных полосок, кожаная жакетка и круглая шапочка с изображением колесницы. На ногах ярко-желтые гольфы и туфли без каблуков, с острыми загнутыми носками. Шнурок с мешочком никуда не делся, как и рыжие волосы, свисающие из-под шапочки.

– Что, в Кадиллицах это сейчас модно? – Она качнула бедрами, и кожаные полоски заколыхались, тихо шурша. – Никогда не любила гольфы. Идем, – она потащила меня вперед.

Стены и потолок зала скрывала голубоватая дымка магической эссенции. Скоро должны были начаться очередные гонки – посетителей хватало. Тела их сейчас находились в игровых комнатах «Одноглазого дракона» перед хрустальными шарами, а сознания пребывали здесь. Зал наделял мужские аналоги блестящими комбинезонами и черными ботинками, а женские – юбочкой из кожаных полос, жакеткой и гольфами. Гольфы, правда, были разных цветов, от огненно-красных до иссиня-черных.

Мы шли по ровной твердой поверхности. Под потолком плавали облака, с помощью которых маги-художники, постоянно обслуживающие зал Гонок, создавали иллюзию большого открытого пространства. В принципе, им это удавалось, хотя облака походили друг на друга и напоминали стадо овечек-близнецов, медленно бредущих по низкому небосводу.

– Смотри!

Площадка закончилась ограждением и отвесной стеной. Здесь толпились зрители. Возле богатого – а точнее сказать, дорогостоящего – аналога, сплошь увешанного защитными заклинаниями, мы остановились.

– Они как раз начинают, – произнесла Эви.

Внизу тянулось созданное художниками и техниками зала гоночное поле. Собственно, полем в прямом смысле оно не являлось: гряда крутых холмов, ущелья, ярко-синяя речка, одинаковые деревья… Между холмами извивался ряд дорожек, разграниченных узкими светящимися линиями. Через ущелья были перекинуты мосты, в некоторых местах дорожки тянулись по широким аркам, в других – по застывшим на «воде» реки понтонам.

– А где гонщики? – спросил я.

– Вон, – Эви показала вниз, и я перегнулся через ограждение.

На площадке под отвесной стеной стояли колесницы, в каждую было запряжено какое-то животное – единорог, мантикора, кентавр или пегас. Сначала дорожки тянулись прямо, затем круто изгибались вокруг остроконечного холма, описывали петлю так, что один участок пролегал под нашими ногами, и устремлялись к реке.

Над полем возникла вспышка, следом появились гигантская цифра:

10

Она состояла из светящегося оранжевого дыма. Внизу громко заржал пегас. Зазвучали фанфары. Цифра исчезла во вспышке света, ее сменила другая:

9

Я решил, что стоящий рядом с нами дородный аналог принадлежит богатому заезжему купцу. Он подпрыгивал и потирал руки, увешивающие его заклинания покачивались.

8

Гонки не очень-то интересовали меня, и я спросил:

– Ты помнишь, куда зашвырнула Приз?

7

– У меня был очень мощный жгут. – Эви огляделась. – Это единственное, что я смогла унести из нашего тайного жилища в пустыне. Таких жгутов ни у кого нет. Он сработал с такой силой, что пробил стену этого зала. Выходит, Приз в каком-то из соседних….

6

– В каком?

Она повернулась в одну сторону, в другую и наконец показала.

– Вон там.

Я пригляделся, пытаясь сообразить, что находится за дальней стеной.

5

– У тебя и вправду был мощный жгут. Перебросить Приз

через весь зал… – я замолчал. Аналог у меня неплохой, но далеко не из самых мощных. Я не нанимал мага-техника, чтобы он мне сконструировал оболочку для Патины, а сам создал ее. Все-таки я не магический художник, так что у аналога были некоторые ограничения. Например…

4

Например, он не мог хмурить лоб. Был бы я сейчас в реале, обязательно нахмурил бы лоб. Потому что направление, указанное эльфийкой…

– Давай, давай… – бормотал богатый аналог возле нас.

3

– Бесы Патины! – воскликнул я. – Туда? Эви, с той стороны от гоночного зала Багровый Остров! Ты что, забросила Приз в центр Острова?

2

Сбоку возникло какое-то движение, и я повернулся. Сквозь толпу к нам быстро двигались три фигуры, одетые почему-то не в блестящие комбинезоны…

1

…Нет, на них были широкие темно-коричневые плащи с капюшонами.

Фанфары оглушительно загремели и смолкли.

СТАРТ!

Я огляделся, пытаясь сообразить, куда можно скрыться. Фигуры в плащах приближались. Внизу колесницы участников уже неслись по дорожкам.

– Кто это? – спросила эльфийка.

– Охрана зала.

Один из них вскинул руки над головой.

– Возвращаемся! – крикнул я.

Покинуть Патину можно, просто *пожелав* вернуться обратно. Для этого требуется некоторое волевое усилие, то есть необходимо несколько секунд, чтобы вернуться в реал.

От поднявшего руки охранника разошлась круговая волна искажения, будто всплеснулось само пространство, и я услышал тихий-тихий гул.

– Не получается! – воскликнула Эви. – Что происходит?

– Они нас склеили.

Я попятился и уперся спиной в ограждения. Зрители вокруг орали, глядя вниз, на колесницы.

– Слышишь гул? Это Склейка, она нарушает связь между аналогом и оставшемся в реале телом. Но у охраны Арены такого нет, им владеют только…

– Аскеты, – перебила она.

Теперь я и сам увидел. Толкая зрителей, они расходились, окружая нас. Под капюшонами виднелись изможденные лица с запавшими глазами.

– Жми! – орали вокруг. – Вперед! Обходи слева!

– Склейка – запрещенное заклинание! – рявкнул я. – Очень сложное, только сильный маг может…

Колесницы, объехав холм, мчались по дуге, вновь приближаясь к нашей стороне гоночного поля. Три участника вырвались вперед, остальные отстали. Один из зрителей попытался оттолкнуть аскета, тот сделал быстрое движение. Я увидел, как аналог зрителя съежился и опал. Коричневый плащ распахнулся, под ним сверкнула узкая изогнутая лента боевого заклинания, конец которого аскет сжимал рукой в черной перчатке.

Я перевел взгляд на возбужденно подпрыгивающего купца и приказал Эви:

– Держись за меня!

Купец заверещал, когда я обеими руками вцепился в длинный жгут, одно из множества заклинаний, свисающих с ремней, что опоясывали его комбинезон. Я сорвал жгут, глядя то вниз, на колесницы, то на аскетов, и закрепил конец на ограждении. Аскет бежал к нам, разматывая светящуюся ленту, до того спрятанную под плащом. Купец попытался оттолкнуть меня, я схватил его, перегибая через ограждение. Эви обхватила меня сзади, сцепила руки на моей груди. Зрители пятились от нас, купец орал и брыкался. Я выждал еще мгновение, ухватил его за ноги и резко поднял, переворачивая. Светящаяся лента аскетского заклинания развернулась, а я вместе с Эви прыгнул.

Если бы в реале я рухнул с такой высоты, да еще и с эльфийкой на спине, то переломал бы себе ноги. Над головой заклинание Кнута ударило в ограждение и взорвалось снопом искр. Притороченный мною жгут, конец которого я удерживал одной рукой, начал натягиваться, истончаясь. Мы упали на купца, который, в свою очередь, упал на одну из колесниц. Управляющий этой колесницей гонщик посмотрел на меня, на жгут в моих руках, на аскета, перегнувшегося через ограждение и замахивающегося Кнутом… и решил, что это чересчур много за те деньги, которые он заплатил, чтобы участвовать в гонках. Его аналог стал прозрачным и исчез. Впрочем, мне было не до того. Упав, я повалился на бок, не выпуская жгут, который уже стал толщиной с волос и звенел от напряжения. Колесница неслась дальше, над раскалившимся от удара ограждением аскет замахивался Кнутом. Я выпустил заклинание.

Получивший свободу жгут взвизгнул, когда накопившееся в

нем напряжение высвободилось, взметнулся к ограждению и хлестнул по аскету.

Я глянул вперед и выругался, увидев, что в эту колесницу впряжена тройка гарпий. Они летели низко над землей. Теперь, когда исчезнувший гонщик перестал направлять их движение при помощи длинных вожжей, твари неслись, не разбирая дороги.

– Гарпии! – простонал я и чихнул.

Мы пока еще не покинули гоночной колеи, но приближались к ее левому краю. Соседняя колесница, запряженная могучим кентавром, начала притормаживать, когда управляющий ею гонщик понял, что сейчас мы столкнемся.

Холмы и деревья проносились мимо. Я поднялся на колени, пытаясь сообразить, что теперь делать. Гарпии орали, ругались и пытались укусить друг друга. У этих созданий женские головы с черными и очень грязными волосами, мощные крылья и птичьи тела. Больше всего они напоминают торговок с базара – самых горластых, вздорных и визгливых торговок с самой занюханной толкучки, какую только можно себе вообразить. И еще от них воняет. Сейчас эта вонь подобно пенной струе от быстро плывущего корабля расходилась позади гарпий.

Несколько колесниц неслось впереди, несколько – сзади. Хуже всего, что вожжи волочились по земле, я не мог управлять гарпиями. От далекой смотровой площадки с толпой аналогов в нашу сторону летели три фигуры, развернувшиеся плащи помогали им парить в эфире, который заменяет в Патине воздух. Эви стояла на коленях, перебирая руками спутанный клубок заклинаний.

– А где купец? – прокричал я и тут же сам понял. В Патине ты можешь потерять сознание точно так же, как и в реале, именно это и произошло с купцом после падения на колесницу. Но он мог позволить себе дорогостоящее охранное заклинание Томагавк, которое и отсекло его сознание от Патины, когда определило, что с хозяином что-то не так. Разница в том, что если бы купец покинул Патину по своей воле, то исчез бы вместе со своими заклинаниями, но Томагавк не был на это рассчитан. Все заклинания, увешивающие аналог купца, остались здесь, и теперь Эви скручивала их в тугой узел.

– Что ты делаешь? – прокричал я.

Она подняла голову.

– Сколько будет действовать Склейка?

– Несколько минут.

Я опять чихнул и зажмурился, кулаками пытаясь протереть слезящиеся глаза. Вонь гарпий окутывала колесницу. Крылатые твари уже покинули гоночную дорогу и неслись вдоль берега

реки. Те, кто создавал этот зал, постарались на славу: свист ветра в ушах, тугой поток встречного эфира, несущиеся назад деревья… иллюзия бешеной гонки была полной.

– Сейчас догонят… – Эви смотрела вверх. Из низкого неба с одинаковыми облачками-овечками на нас падали три крылатые фигуры. – Пока Склейка не перестала действовать, надо…

– Я не пойду с тобой в зал Багрового Острова! Это экстремальная игра для психов, которым надоело жить! Там можно сдохнуть по-настоящему!

Она выпрямилась с клубком заклинаний в руках. Колесница качнулась назад, когда гарпии понеслись над склоном холма, крайнего в ряду тех, что замыкали гоночное поле.

– У меня аллергия на гарпий! – простонал я.

Три крылатые фигуры уже отчетливо виднелись на фоне неба. Передняя сжимала Кнут. Аскет взмахнул заклинанием, оно свилось спиралью и устремилось к нам – но тут гарпии достигли вершины холма, и мы взлетели, как с трамплина.

На мгновение я увидел все гоночное поле, далекую площадку с фигурками зрителей, вереницу игрушечных колесниц, скрытые синеватой дымкой стены зала Гонок…

Одна стена была теперь совсем близко. Ее поверхность напоминала очень толстое стекло, поначалу прозрачное, эфемерное, но постепенно густеющее.

Развернувшись спиной к тварям, я потянулся к Эви, чтобы отобрать у нее клубок заклинаний, но не успел.

В последний момент до скудных умишек гарпий все же дошло, что впереди стена зала. Они попытались притормозить. Эви, встав во весь рост и широко размахнувшись, швырнула заклинания вперед по ходу нашего движения.

Скорость полета немного замедлилась, я покачнулся, хватаясь за борта колесницы, и аскет, пытавшийся ударить Кнутом, промазал. Горящая лента пронеслась над нами и впилась в стену зала. Одновременно клубок заклинаний попал туда же, и через мгновение в это же место влипли верещащие от страха гарпии, а за ними – и колесница. Раздался такой звук, будто огромная каменная глыба с высокого обрыва упала в воду. Я повалился на дно колесницы. Стена зала с хлюпаньем прогнулась. Образовалась бурлящая воронка. Расширяясь и засасывая в себя колесницу, она продавила стену, достигла противоположной ее стороны, и тут сила поверхностного натяжения магии, которая образовывала зал, наконец взяла свое. С оглушающим хлопком воронка исчезла, стена затянулась, а нас, как пробку из огромной бутылки, выплюнуло в соседний зал.

Гарпии стали тремя клубками черных перьев. Со всех сторон

их опутывали полупрозрачные коконы – остатки магии, образовывавшей стену зала. Когда я вскочил, слюдяная нить потянулась от дна колесницы к моему аналогу, сделалась тонкой как волос и лопнула. Поток встречного эфира чуть не сбил с ног. Я взглянул на Эви – лежа на дне колесницы, она смотрела на меня – и развернулся спиной к эльфийке. При этом конечность моего аналога подогнулась, и я чуть не упал.

Правая «нога», скрытая узкой блестящей штаниной комбинезона, изогнулась, будто коромысло. Повреждения в аналоге отозвались вполне реальной болью, которую ощущало мое сознание.

Опустившись на колени, я выглянул из-за борта колесницы.

Мы летели по длинной пологой дуге, и кошмары Багрового Острова проносились под нами. Ландшафт смазался, но я примерно представлял, из чего на самом деле состоит зелено-бурая поверхность внизу: ядовитые джунгли, речки и болота – все это населено чудовищами, которые создавали нанятые хозяевами Острова маги… и одинокими «героями», аналогами тех безумцев, что, заплатив изрядную сумму, пускались в путешествие по этому игровому залу.

Гарпий не стало – защитная магия стены окутала тварей коконами. Стягиваясь все сильнее, коконы уже наверняка раздавили их.

Мы опускались все ниже. Впереди вырастала отвесная скала, будто черный палец, торчащий из центра Острова.

На мое плечо опустилась рука, я повернул голову и увидел, что Эви на коленях стоит рядом.

– Добилась своего? – сказал я сквозь зубы. – Нас занесло в самую середину!

Что-то странное было в выражении ее глаз, что-то, чего я не видел раньше. В них появилась одержимость.

– Что с тобой? – спросил я, и тут колесница сильно накренилась.

Точно в середине зала среди джунглей было круглое озеро, а в центре его – островок, из которого торчала черная скала. Теперь она оказалась прямо перед нами. От гарпий к тому времени ничего не осталось, магия стены сплюснула их в комки размером с кулак. Колесница накренилась еще сильнее, внизу замелькали фигуры. На островке у основания скалы кипело сражение. Там был вооруженный огромной дубиной аналог в виде мускулистого варвара, амазонка с длинным клинком, гном с топором, еще кто-то – герои сражались с ордой наседающих на них чудовищных скорпионов, богомолов и пауков. Объединившиеся в отряд игроки смогли добраться до центра Острова и здесь держали последний

бой с монстрами игрового зала. Я успел заметить, как варвар рассек мохнатого паука, как труп чудовища вспыхнул огнем и исчез, как позади варвара из воздуха возник скорпион и ударил клешней в его спину.

А затем мы врезались в скалу высоко над игроками.

Колесница состояла из транспортного заклинания, сердечника, на котором были навешены текстуры бортов, днища, колес и прочего. От удара конструкция скрепленных заклинаний лопнула и рассыпалась. Ошметки текстур полетели во все стороны, а основное заклинание исчезло в бесшумной вспышке высвободившейся магической информации.

Упираясь ладонями, я медленно встал. При столкновении часть текстур поверхности скалы пострадала, вмялась, образовав углубление. Оказывается, скала была полой, и теперь в ее сердцевину вел узкий пролом. У моих ног зашевелилась Эви, я наклонился к ней.

Она пострадала гораздо сильнее меня. Видимых повреждений не было, но, попытавшись встать, эльфийка вскрикнула и вновь упала.

– Ты врала мне с самого начала! – обвинил я, помогая ей подняться. – Зачем ты хотела попасть сюда?

Оглянувшись на край площадки, за которым расстилалась панорама Багрового Острова, я пошел в проход, припадая на поврежденную ногу.

– Говори! Не было никакого Приза?

Эви висела на моих руках, ее голова откинулась.

– Нет, – прошептала она.

– Почему ты соврала?

– Прости. Мне нужно было, чтобы кто-то помог…

– В чем помог? Чего ты добиваешься?

– Помог попасть сюда…

– В этот зал? Зачем?

Ее глаза закрылись.

– Зачем? – громко повторил я.

– Аскеты где-то рядом…

– Я знаю.

Проход закончился, и мы попали в самый центр Острова, куда, как я теперь понимал, никогда не удавалось добраться ни одному игроку. Обслуживающие эту игру маги не рассчитывали, что кто-то сможет проникнуть внутрь черной скалы. Игрокам должно было казаться, что она поставлена здесь лишь для устрашения – зловещая громада, высящаяся над всем ландшафтом.

На самом деле внутри нее был тайник аскетов.

Каменный островок посреди озера лавы. Красно-желтая огненная поверхность медленно текла в одну сторону, горячая дымка дрожала над ней, все вокруг переливалось, гудело от жара. Через озеро тянулся узкий перешеек, и я направился по нему к центру скрытого на середине этого игрового зала пространства – больше идти было просто некуда. Слева от перешейка из лавы вздымался гигантский череп, напоминающий козлиный, с могучими изогнутыми рогами. Под ним плескался огонь, сквозь широкие пустые глазницы выстреливали струи пламени. Сделав еще несколько шагов, я оглянулся – пролом уже исчез в дымном красно-черном полумраке. Тихий гул все еще звучал в голове. Склейка действовала, хотя по моим подсчетам сила заклинания вот-вот должна была иссякнуть. Услышав шум позади, я вновь оглянулся. Три фигуры в плащах медленно двигались сквозь жар по перешейку следом за нами.

Он закончился широкой каменной лестницей с проломленными во многих местах ступенями. Те вели к вершине широкой приземистой башни, где на фоне багрового неба виднелась какая-то фигура.

– Туда. – Эви зашевелилась на моих руках, и я шагнул на ступени.

– Там Банга?

– Да, – сказала она.

Когда я преодолел половину лестницы, стало видно, что вверху сидит тощая крылатая тварь. Она склонилась над кем-то, лежащим на вершине башни. Я вновь оглянулся – аскеты уже добрались до основания лестницы.

Теперь жар стал невыносим, все вокруг гудело и дрожало. Поврежденная нога вдруг подогнулась, и я упал.

Пока пытался встать, Эви, упираясь в мое плечо, поднялась и заковыляла дальше.

– Это грифон! – прокричал я. – Что он там делает?

– Они пытают Бангу… – Эви упала, поднялась и вновь пошла.

В этот момент тихий гул, звучащий с тех самых пор, как аскеты приклеили нас, стих.

– Мы можем уходить! – прокричал я, но эльфийка не оглянулась.

Я поковылял за ней, то и дело оглядываясь на преследователей. Заклинание Кнута в руках одного из них пылало ярче, чем магическая лава Багрового Острова.

– Эви, стой! Что происходит?

– Банга похитил у них «алмазный всплеск», – она произнесла это, не оборачиваясь, так что я едва расслышал слова сквозь гул лавы. – Его тело в реале, а сознание здесь, они мстят – пытают

его…

Увидев эльфийку, грифон взмахнул крыльями, взлетел и тут же исчез в полумраке. Я перебрался через завал камней на вершине лестницы и увидел Бангу. Аналог лежал, прикованный к скале, живот его был разорван клювом грифона.

Эви опустилась на колени рядом с ним. Взломщик посмотрел на нее слезящимися глазами с воспаленными, распухшими веками – и вдруг я понял, что он улыбается.

Эльфийка сорвала с шеи шнурок, достала из холщового мешочка большой золотой перстень и положила на лоб Банги.

На перстне было изображение солнца, желтый круг в обрамлении лучей, состоящих из алмазной крошки. Эви надавила пальцем на центр круга, и солнце вспыхнуло. Кольцо начало вращаться, все быстрее и быстрее, лучи вытянулись, расплылись по эфиру, образовав колесо.

– Мы можем уйти сейчас, – сказал я.

Эльфийка не обратила на меня внимания. Помимо перстня в мешочке был спрятан еще и крошечный хрустальный пузырек. Эви открыла его и показала Банге. Он кивнул, вновь улыбнулся, закрыл глаза, и тогда эльфийка вылила содержимое в его приоткрытый рот.

– Яд? – спросил я, не ожидая ответа. Это наверняка был магический вирус, агрессивное заклинание, не просто разрушающее аналог, но навсегда уничтожающее сознание.

Эви попросила:

– Задержи их еще немного.

Я вернулся к лестнице и один за другим начал швырять камни навстречу поднимающимся аскетам, потом развернулся, прихрамывая, побежал назад.

Тело Банги выгнулось. Из разинутого рта, из ноздрей и глаз полились потоки дымчатого света. Аналог потерял плотность, во все стороны ударили ядовито-зеленые лучи, и тут я увидел, что Эви, склонившись, целует его.

Я схватил ее за плечи и потянул назад, не давая прикоснуться губами к зеленой дымке.

– Отпусти! – Она толкнула меня, попыталась вырваться, что-то крича. Еще мгновение очертания аналога Банги мерцали перед нами, а затем исчезли.

Заклинание алмазного всплеска сработало. Сияющее колесо разрослось, вытянулось во все стороны, пронзая окружающее пространство, рассеивая мрак блеском алмазной пыли. В центре колеса возник смерч, со всех сторон эфир устремился к нему, нас с Эви бросило друг на друга.

Каменная толща скалы стала прозрачной, сквозь нее

проступили очертания зала, круглого озера, джунглей – теперь весь Багровый Остров был виден отсюда. Взбирающиеся по лестнице аскеты, фигуры дерущихся игроков далеко внизу, снующие в джунглях чудовища Острова… а затем от эпицентра заклинания разошлась волна. Магические текстуры земли, деревьев, берегов, болот вспучились, смешиваясь, перетекая одна в другую, меняя краски. Круговой вал Всплеска пошел во все стороны, ломая хитросплетения заклинаний. Весь огромный игровой зал дернулся в предсмертной судороге, стены его качнулись. В центре бури я наклонился к лежащей неподвижно Эви и прошептал ей в ухо:

– Уходим.

Мы лежали лицами друг к другу. Я приподнял голову, окинул взглядом озаренную тусклым светом свечи кладовую, посмотрел на Эви. Ее ресницы затрепетали, эльфийка открыла глаза. Я опустил голову на кровать так, что наши лица оказались совсем рядом, и сказал:

– Ты соврала.

Она долго молчала, а затем медленно заговорила:

– Мне был нужен кто-то, кто помог бы проникнуть в центр Острова. Банга похитил у аскетов алмазный всплеск. Это очень редкое заклинание, ты знаешь. В мире только пять или шесть всплесков такой мощи. Аскеты выследили Бангу. Он успел передать заклинание мне, а потом они схватили его. Им нужен был всплеск. Тогда они придумали двойную пытку, для сознания и для тела. Поместили его аналог в Патине, в центре Багрового Острова, а тело – в одной из своих пыточных камер. На Острове его накрыли постоянной Склейкой. Там грифон терзал его сознание, а в реале аскетские палачи истязали его тело. Банга не мог вырваться, но он сумел передать мне сообщение, где аскеты держат его аналог… Я должна была сделать это, они пытали бы его еще долго, не позволяя умереть.

– Лгала с самого начала, – повторил я.

– Прости.

– То, что ты сделала… все это я понимаю. Ты хотела спасти его, любой ценой… хорошо. Но ты соврала в другом. Вы не брат и сестра.

Пока я говорил, она медленно закрыла глаза, а сейчас они распахнулись и уставились на меня.

– Откуда ты…

– Я видел, как ты целовала его.

Она зажмурилась и, помедлив, прошептала:

– Да. Я боялась, что иначе ты не станешь помогать мне.

В полутемной кладовой потрескивала свеча, за дверями

раздавались приглушенные голоса и шаги. Они звучали все громче – после разрушения Багрового Острова паника постепенно распространялась из Патины в реал.

– Конечно, – произнес я. – Ты думала, нам придется пробираться через весь Остров. Легче было заставить меня помогать тебе, соврав, что мы спасаем не любовника, а брата.

– Не любовника, – прошептала Эви, почти не разжимая губ, – а возлюбленного.

Она лежала все так же зажмурившись.

– Я помог, – произнес я.

Губы чуть приоткрылись.

– Да.

– Без меня бы ты не справилась.

– Нет.

Пауза. Она ждала, что я сделаю дальше.

– Ты должна отблагодарить меня.

– Да… – на этот раз тише, чем прежде, еле слышно.

Совсем близко перед собой я видел ее лицо с приоткрытым ртом. Она молчала и не шевелилась, ожидая.

– Я сам могу решить, что хочу от тебя теперь. И ты не можешь сказать «нет». Без меня аскетские палачи терзали бы его тело еще очень, очень долго.

Она лежала неподвижно. Я стал придвигать к ней голову, все ближе и ближе, почувствовал на щеке ее дыхание и, наконец, коснулся губами ее губ. Они сжались, Эви вздрогнула – и тогда я резко отстранился, сел, повернувшись к ней спиной. Некоторое время сидел, опустив голову. Позади раздался шорох. Я не видел этого, но был уверен, что она приподнялась на локте и смотрит на меня. Я хлопнул ладонями по своим коленям и встал. И пока я шел к двери, пока боролся с ржавым засовом, пока осторожно выглядывал наружу – она молчала. Но и я за это время ни разу не оглянулся.